

U $\frac{254}{576}$

И 254
576

АДМИРАЛЪ

ПАВЕЛЪ СТЕПАНОВИЧЪ

НАХИМОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1872

©
1889

1
1889

И $\frac{254}{576}$

АДМИРАЛЪ

ПАВЕЛЪ СТЕПАНОВИЧЪ

НАХИМОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ. ЛИТ. ПРОСП., Д. № 39.

1872

Печатано по распоряженію Севастопольскаго отдѣла на политехнической
выставкѣ.

34003-43

АДМИРАЛЬ.

ПАВЕЛЬ СТЕПАНОВИЧЪ НАХИМОВЪ.

Въ 1802 году, въ сельцѣ Городкѣ, Вяземскаго уѣзда Смоленской губерніи, родился Павелъ Степановичъ *Нахимовъ*, впоследствии знаменитый адмиралъ черноморскаго флота, синопскій побѣдитель и защитникъ Севастополя. Съ раннихъ лѣтъ Павелъ Степановичъ обнаруживалъ склонность къ военному званію. Еще въ дѣтствѣ, отецъ замѣтилъ въ сынѣ это призваніе и очень часто говаривалъ: „изъ Павлуши выйдетъ храбрый воинъ“. Старикъ не ошибся въ своихъ предположеніяхъ, и Павелъ Степановичъ, участвуя въ молодости въ сраженіяхъ, подъ конецъ своей жизни сталъ *богатыремъ-адмираломъ* русскаго флота, стяжавшаго подъ его командою безсмертную славу.

Получивъ образованіе въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и будучи однимъ изъ лучшихъ его воспитанниковъ, Павелъ Степановичъ, въ 1818 году, произведенъ въ офицеры, имѣя тогда всего 16-ть лѣтъ отъ роду ⁽¹⁾ и черезъ три года отправленъ въ кругосвѣтное плаваніе. Впечатлительный отъ природы, съ характеромъ энергическимъ и серьезнымъ, Павелъ Степановичъ возвратился изъ этого путешествія человекомъ опытнымъ, получившимъ основательное направленіе

(1) До сихъ поръ во всѣхъ біографіяхъ говорилось, что П. С. родился въ 1803 году, но это не вѣрно; онъ родился, какъ видно изъ копій метрическаго свидѣтельства, хранящейся у П. В. Воеводскаго, въ 1802 году.

и обратившимъ всѣ свои силы и способности на пользу службы. Служба для Павла Степановича была выше всего. Онъ отличался необыкновенною преданностію и любовью къ морскому дѣлу, и еще въ молодости его усердіе или, лучше сказать, рвеніе до всего, что касалось флота, было безгранично.

Совершивъ кругосвѣтное плаваніе и возвратившись обратно въ чинѣ лейтенанта и съ орденомъ Св. Владимира 4-й степени, Павелъ Степановичъ принималъ участіе въ наваринскомъ сраженіи.

Въ 1827 году русская эскадра, состоявшая изъ 4-хъ кораблей, 4-хъ фрегатовъ и одного корвета, подъ общимъ начальствомъ контръ-адмирала *графа Гейдена*, пошла въ Средизимное море, гдѣ и соединилась съ эскадрами англійскою и французскою, для совокупнаго дѣйствія противъ турокъ.

Въ часъ по полудни, 8-го октября, соединенный флотъ подошелъ къ Наваринской губѣ двумя колоннами: одна состояла изъ русскихъ судовъ, а другая — изъ французскихъ и англійскихъ. Впереди русской колонны шелъ 74-хъ пушечный корабль „Азовъ“, на которомъ находился тогда и лейтенантъ Павелъ Степановичъ *Нахимовъ*. Встрѣченный перекрестнымъ огнемъ батарей Наваринской крѣпости и острова Сфактеріи, „Азовъ“ шелъ молча, не дѣлая ни одного выстрѣла, до тѣхъ поръ, пока не занялъ назначеннаго ему мѣста, въ разстояніи почти пистолетнаго выстрѣла отъ непріятели. Слѣдуя примѣру своего передового-первенца, и остальные русскіе корабли, точно также молча, шли до назначенныхъ имъ мѣстъ, и только, занявъ свою позицію, приняли участіе въ знаменитомъ наваринскомъ сраженіи.

Не смотря на то, что непріятель былъ сильнѣе, соединенные флоты, не болѣе какъ въ четыре часа времени, уничтожили до шестидесяти турецкихъ и египетскихъ судовъ. Особенно отличился въ этомъ дѣлѣ корабль „Азовъ“, который, сражаясь одновременно съ пятью непріятельскими судами, въ то же время помогаль англійскому адмиралу, дѣйствуя противъ 80-ти пушечнаго турецкаго корабля. Когда

этотъ послѣдній повернулъ къ «Азову» кормою, то „Азовъ“ въ полчаса зажегъ и взорвалъ его на воздухъ.

Жарка была битва наваринская и дорого досталась побѣда союзному флоту. У корабля „Азовъ“ пробиты были всѣ мачты, и въ самомъ его корпусѣ сдѣлано 153 пробоины, но за то «Азовъ», съ своей стороны, потопилъ два фрегата, корветъ и сжегъ 80-ти пушечный корабль, на которомъ находился главнокомандующій турецкимъ флотомъ.

Высочайшія награды пожалованы были офицерамъ по мѣрѣ заслугъ каждаго, и въ числѣ ихъ Павелъ Степановичъ *Нахимовъ* получилъ орденъ Св. Георгія 4-й степени и чинъ капитанъ-лейтенанта. И такъ, двадцати пяти лѣтъ отъ роду, *Нахимовъ* былъ уже штабъ-офицеромъ и кавалеромъ орденовъ Св. Георгія и Владиміра.

Будучи еще въ Средиземномъ морѣ, Павелъ Степановичъ *Нахимовъ* былъ назначенъ командиромъ призоваго корвета „Наваринъ“, который онъ вооружилъ въ Мальтѣ со всевозможною роскошью и щегольствомъ, на удивленіе англичанамъ, отличнымъ знатокамъ морскаго дѣла.

Въ глазахъ нашихъ, пишетъ одинъ изъ сослуживцевъ *Нахимова*, Павелъ Степановичъ былъ труженикъ неутомимый.

„Я твердо помню, говоритъ онъ, общій тогда голосъ, что Павелъ Степановичъ служить двадцать четыре часа въ сутки. Никогда товарищи не упрекали его въ желаніи выслуживаться тѣмъ, а вѣрили въ его призваніе и преданность самому дѣлу. Подчиненные всегда видѣли, что онъ работаетъ болѣе ихъ, а потому исполняли тяжелую службу безъ ропота и съ увѣренностію, что все, что слѣдуетъ имъ, или въ чемъ можно сдѣлать облегченіе, командиромъ не будетъ забыто“.

Вскорѣ *Нахимовъ* сдѣлался извѣстнымъ всему флоту, какъ одинъ изъ лучшихъ командировъ.

Весь балтійскій флотъ любовался на фрегатъ «Палладу», которымъ командовалъ Павелъ Степановичъ; многіе изъ офицеровъ пріѣзжали учиться чистотѣ, вооруженію и военному порядку, заведенному *Нахимовымъ* на своемъ фрегатѣ. Скоро и самому *Нахимову* пришлось испытать пріятные

плоды своей неусыпной дѣятельности и введеннаго порядка. Въ 1833 году, плавая по Балтійскому морю въ эскадрѣ вице-адмирала *Θ. Θ. Беллинсгаузена*, Павелъ Степановичъ подалъ ночной сигналъ, которымъ онъ предупредилъ эскадру отъ угрожавшей ей опасности попасть на камни и разбиться. Общая признательность начальства и благодарность спасенныхъ отъ гибели товарищей, были наградою неумолимому и опытному моряку. Въ слѣдующемъ году Павелъ Степановичъ, какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ офицеровъ, былъ переведенъ въ Черное море, съ назначеніемъ командиромъ 41-го флотскаго экипажа и 84 пуш. корабля «Силистрія», съ производствомъ въ капитаны 2-го ранга.

Суда, которыми командовалъ Павелъ Степановичъ, были постоянно образцами, на которые всѣ указывали, которыми всѣ восхищались и къ подражанію которымъ всѣ стремились. Какъ образцовый командиръ, *Нахимовъ* приобрѣлъ такое уваженіе со стороны своихъ сослуживцевъ, что, встрѣчаясь въ морѣ съ кораблемъ „Силистрія“ и входя на рейдъ, гдѣ онъ красовался, каждый осматривалъ себя съ ногъ до головы, чтобы показаться въ возможно лучшемъ, безукоризненномъ видѣ зоркому капитану Силистріи, отъ котораго не скроется ни одинъ шагъ, ни малѣйшій недостатокъ, такъ точно какъ и лихое управленіе. Одобреніе его считалось наградою, которую каждый старался заслужить — такъ было велико нравственное вліяніе этого человѣка.

Въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ плавая по прихотливому Черному морю, *Нахимовъ* изучилъ его въ совершенствѣ. Въ продолженіе тридцати восьми лѣтъ своей службы, Павелъ Степановичъ сдѣлалъ тридцать двѣ морскія кампаніи, побывалъ во всѣхъ моряхъ, и перенесъ всѣ труды службы — отъ практическаго плаванія до громаднхъ битвъ, рѣшавшихъ судьбу народовъ.

Понятно, что, при подобной дѣятельности, *Нахимовъ* являлся опытнымъ наставникомъ и отличнымъ вожатымъ черноморскаго флота, по пути усовершенствованія въ морскомъ дѣлѣ и службѣ. Независимо отъ опытности, отъ личныхъ знаній, Павелъ Степановичъ имѣлъ особенный даръ приохотить своихъ подчиненныхъ къ морскому дѣлу, умѣлъ

внушить имъ любовь къ службѣ, какъ своимъ примѣромъ, такъ и своимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ ко всему, что только касалось флота.

«Выходить ли эскадра, пишетъ *Асланбековъ*, или даже отдѣльный корабль изъ гавани, идетъ ли въ гавань, возвращается ли съ моря или снимается съ якоря, вы увидите Павла Степановича на Графской пристани, съ его неизмѣнною трубою. Скажу болѣе: всякая шлюпка, катающаяся по рейду подъ парусами, была имъ замѣчаема и, не смотря на то, что за малѣйшее упущеніе, при удобномъ случаѣ, молодежь подвергалась его замѣчаніямъ, она его обожала, потому что всякій морской офицеръ, сколько-нибудь обратившій на себя его вниманіе своею привязанностію къ службѣ, могъ вполне рассчитывать на его готовность научить, облегчить, заступиться, ходатайствовать, на его всегда протянутую руку помощи и даже на его кошелекъ.

Радужіе и гостепріимство его были извѣстны всякому. Изысканная чистота и порядокъ были на кораблѣ и въ квартирѣ; сердечная доброта, прямодушіе были написаны на его открытомъ благородномъ лицѣ. Вниманіе его къ своимъ ближайшимъ подчиненнымъ, офицерамъ и матросамъ 41-го экипажа, было неисчерпаемо. Онъ слѣдилъ за нимъ не только въ Севастополѣ, но и на Кавказѣ, и за границею. Они могли обращаться къ нему, какъ къ родному отцу. Не понятно ли послѣ всего мною сказаннаго, не понятно ли, что эта честная, благородная, безкорыстная личность, что это доброе, великодушное, золотое сердце, что эта искренняя, безграничная любовь къ своему дѣлу — весьма скоро привлекли къ нему сослуживцевъ, готовыхъ съ нимъ идти въ огонь и въ воду. Во всемъ черноморскомъ флотѣ не было ни одного матроса, который бы не зналъ, если не лично, то по наслышкѣ, и не любилъ, хотя бы и заочно, капитана «Силистріи», Павла Степановича *Нахимова*. Никто не умѣлъ такъ понимать ихъ нужды, такъ говорить съ ними, и потому они были слѣпо ему преданы».

Въ самой фигурѣ *П. С. Нахимова* было что-то доброе, располагающее. Онъ былъ высокаго роста, немного суту-

ловать, бѣлокуръ, красивъ лицомъ, съ свѣтлыми голубыми глазами и почти всегда съ выраженіемъ какого-то задумчиваго и порою даже суроваго добродушія. Разговоръ его былъ всегда одушевленный и увлекательный, полный наблюдательности и свѣжихъ мыслей.

Павель Степановичъ былъ первымъ лицомъ во флотѣ и, можно сказать, во всей русской арміи, который не считалъ себя помѣщикомъ, а матросовъ своими крѣпостными людьми.

— Матросъ, говорилъ онъ, есть главный двигатель на военномъ кораблѣ, а мы только пружины, которыя на него дѣйствуютъ. Матросъ все сдѣлаетъ, если мы, начальники, не будемъ эгоистами, ежели не будемъ смотрѣть на службу какъ на средство для удовлетворенія своего честолюбія, а на подчиненныхъ какъ на ступени для собственнаго возвышенія.

Постигнуть духъ народной гордости, возбудить запальчивый энтузіазмъ въ своихъ подчиненныхъ-простолюдинахъ—вотъ къ чему стремился *Нахимовъ* и чего онъ достигъ вполне и въ совершенствѣ.

— Матросы любятъ и понимаютъ меня, говорилъ онъ; я эту привязанностію дорожу больше, чѣмъ отзывомъ чванныхъ дворянчиковъ. У многихъ командировъ служба не клеится на судахъ отъ того, что они невѣрно понимаютъ значеніе дворянина и презираютъ матроса, забывая, что у мужика есть умъ, душа и сердце также, какъ у всякаго другаго.

Вотъ одинъ простой случай, показывающій, какъ Павелъ Степановичъ цѣнилъ въ матросѣ челоуѣка, и объясняющій одну изъ причинъ безграничной къ нему привязанности людей.

Въ сороковыхъ годахъ, не припомнимъ въ которомъ именно, корабль Силистрія стоялъ на севастопольскомъ рейдѣ, въ эскадрѣ вице-адмирала Петра Егоровича *Чистякова*.

Надо замѣтить, что адмиралъ былъ не за долго переведенъ изъ Балтики и, какъ новое лицо, первое время не успалъ случаевъ дѣлать замѣчанія.

Однажды пріѣзжаетъ онъ на Силистрію. По заведенному порядку, команда и офицеры стали во фронтъ; командиръ встрѣтилъ его рапортомъ.

Поздоровавшись съ командою, адмиралъ пошелъ по фронту; сначала былъ всѣмъ доволенъ и хвалилъ, но, придя на бакъ (передняя или носовая часть корабля), вдругъ съ ужасомъ остановился: Павелъ Степановичъ! Это что такое? У одного матроса бакенбарды не были выбриты какъ слѣдовало, а сходились, и подъ бородою были волосы. Адмиралъ, взглянулъ на это упущеніе строго, сдѣлалъ выговоръ командиру и, обойдя корабль, уѣхалъ.

Можно себѣ представить, каково было выслушивать выговоръ Павлу Степановичу, чрезвычайно щекотливому до всего, что касалось порядка на кораблѣ.

Только что уѣхалъ адмиралъ, онъ отправился на бакъ. Люди стояли еще во фронтѣ. Всѣ ожидали грозы.

Подойдя къ виновному, онъ строго спросилъ его: почему ты не бреешься какъ слѣдуетъ?

— «Виновать, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ онъ. Я и самъ не радъ, да женѣ нравится, не позволяетъ брить подъ бородой».

— Ну это другое дѣло. Но ты слышалъ, что говорилъ адмиралъ, и теперь надо выбриться. За тѣмъ, обратившись къ старшему офицеру, Павелъ Степановичъ громко сказалъ, что такъ какъ это одинъ изъ лучшихъ матросовъ на кораблѣ, то его никакому наказанію не подвергать, а ротному командиру тутъ же порядкомъ намылилъ голову, зачѣмъ онъ не замѣтилъ прежде адмирала и не убралъ небритаго въ низъ.

Подтвердивъ, чтобы съ матроса не взыскивали, Павелъ Степановичъ велѣлъ распустить команду и ушелъ въ каюту.

Одною изъ самыхъ достойныхъ чертъ Павла Степановича была простота, доброта и терпѣніе, съ которымъ онъ выслушивалъ всевозможные совѣты, и, если они заслуживали вниманія, то принималъ ихъ, не смотря на то, отъ кого они исходили. Всякій матросъ говорилъ ему смѣло: это не такъ. Отчего же не такъ, говори! — А вотъ отчего! — Нахимовъ выслушивалъ и часто говорилъ спасибо толковому матросу.

— Такъ, такъ, молодецъ, дѣлай такъ! замѣтитъ онъ на возраженіе матроса.

Это уваженіе къ лицу, высокое знаніе сердца, познаніе народнаго духа и прямой своей обязанности не ускользнуло отъ вниманія тѣхъ, о которыхъ всю жизнь свою хлопоталъ *Нахимовъ*.

— Ребята — вотъ отецъ матросовъ идетъ, говорили солдаты, завидя издали *Нахимова*.

Всеобщее уваженіе и горячая любовь, которыми пользовался *Нахимовъ* отъ своихъ подчиненныхъ, дѣлали его кумиромъ черноморскаго флота и предводителемъ съ чрезвычайно большою нравственною силою. Павелъ Степановичъ сознавалъ свою силу и слѣпую преданность къ нему сослуживцевъ, отъ капитана до матроса.

Пользуясь громаднымъ нравственнымъ вліяніемъ, онъ велъ своихъ подчиненныхъ къ благотворной цѣли. «Это былъ глубокой знатокъ человѣческаго сердца, мудрецъ, вполне постигшій духъ народа, великодушный начальникъ, великій гражданинъ, герой безъ страха и укоризны, славный адмиралъ, украсившій русскій флотъ, озарившій русскій флагъ и стяжавшій себѣ народное имя». Каждый морякъ подъ флагомъ *Нахимова* былъ вполне убѣжденъ, что великодушный, благородный и уважаемый начальникъ самъ зорко слѣдитъ за всѣмъ, взвѣшиваетъ каждое обстоятельство, и если предприметь что либо, то съ несомнѣнною надеждою на успѣхъ. Вотъ причина, почему подчиненные Павла Степановича готовы были идти съ нимъ въ огонь и воду. Скоро и самому *Нахимову* пришлось насладиться плодами этой любви и сознать, что онъ имѣетъ громадное нравственное вліяніе на своихъ подчиненныхъ.

Угнетеніе христіанъ въ Турціи и желаніе облегчить ихъ участь привело Россію къ столкновенію съ этою державою. Россія вступилась за своихъ единовѣрцевъ, и, въ слѣдствіе неуступчивости турецкаго правительства, послѣдовало въ 1853 году открытіе военныхъ дѣйствій, въ которыхъ *Нахимовъ* былъ однимъ изъ первыхъ и лучшихъ дѣятелей.

Произведенный въ сентябрѣ 1852 года въ вице-адмиралы, *Нахимовъ* получилъ приказаніе крейсировать между Крымомъ и Анатоліею. Это было въ сентябрѣ 1853 года. Въ это время Черное море бываетъ особенно бурно; непрестан-

ные порывистые вѣтры, туманы, штормы и шквалы составляютъ особенность этого моря во время осени. Нахимовъ два съ половиною мѣсяца постоянно держался въ морѣ, испытывалъ съ своею эскадрою всѣ невзгоды отъ сильныхъ непогодъ и неутомимо сторожилъ турецкій флотъ, который, по свѣдѣніямъ, долженъ былъ выйти изъ Босфора, для того, чтобы овладѣть Сухумомъ, провести боевые припасы на кавказскій берегъ къ непокорнымъ горцамъ и возмутить ихъ противъ Россіи.

Находясь въ лихорадочномъ состояніи, въ ожиданіи извѣстія о войнѣ, онъ, наконецъ, 1-го ноября, сдѣлалъ эскадрѣ радостный и короткій телеграфъ: *война объявлена! отслужить молебствіе и поздравить команду.* На слѣдующій день, втораго числа вечеромъ, *Нахимовъ* отдалъ замѣчательный приказъ: «Непріятель не иначе можетъ исполнить свое намѣреніе (атаковать Сукумъ-кале), какъ пройдя мимо насъ, или давъ намъ сраженіе. Въ первомъ случаѣ, я надѣюсь на бдительный надзоръ командировъ и офицеровъ; во второмъ, съ Божіею помощію и увѣренностію въ своихъ офицерахъ и командахъ, надѣюсь съ честью принять сраженіе. Не распространяясь въ наставленіяхъ, я выскажу свою мысль, что въ морскомъ дѣлѣ близкое разстояніе отъ непріятеля и взаимная помощь другъ другу есть лучшая тактика. Увѣдомляю гг. командировъ, что, въ случаѣ встрѣчи съ непріателемъ, превышающимъ насъ въ силахъ, я атакую его, будучи совершенно увѣренъ, что каждый изъ насъ сдѣлаетъ свое дѣло.»

Между тѣмъ единственный пароходъ, посланный для осмотра береговъ и опроса купеческихъ судовъ, открылъ наконецъ, что на Синопскомъ рейдѣ, подъ защиту шести береговыхъ батарей, стоитъ отрядъ турецкихъ судовъ: изъ 7 фрегативъ, 2 корветовъ, одного шлюпа и 2 транспортовъ. *Нахимовъ*, имѣя въ своемъ распоряженіи только три корабля⁽¹⁾, въ ожиданіи подкрѣпленій, подошелъ весьма близко къ берегу съ тою цѣлю, чтобы постоянно наблюдать непріятеля,

(1) Два остальные потерпѣли во время шторма поврежденія и отправлены въ Севастополь исправляться.

не пропустить его выйти изъ порта и бѣжать обратно въ Константинополь. Не смотря на весьма дурную погоду, на безпрестанный дождь съ свѣжимъ волненіемъ и сильнымъ вѣтромъ, эскадра держалась въ морѣ до тѣхъ поръ, пока не присоединились къ *Нахимову* еще три корабля и два фрегата. Сознавая, что съ такими силами можно съ успѣхомъ атаковать непріятели, Павелъ Степановичъ, 17-го ноября, пригласилъ къ себѣ всѣхъ командировъ судовъ, сообщилъ имъ планъ своихъ дѣйствій и отдалъ по эскадрѣ приказъ, въ которомъ заранее было все предусмотрено и соображено. Въ десяти небольшихъ пунктахъ адмиралъ сказалъ опредѣлительно все, что слѣдовало дѣлать при различныхъ условіяхъ боя. Онъ предписалъ не стрѣлять даромъ по судамъ, которыя, спустивъ флаги, признають себя побѣжденными и, не вредить консульскимъ домамъ, на которыхъ будутъ подняты національные флаги. Не желая однако же и на этотъ разъ стѣснять своими правилами командировъ судовъ, особенно при перемѣнѣ обстоятельствъ боя, которыя предвидѣть заранее нѣтъ возможности, Павелъ Степановичъ предоставилъ каждому дѣйствовать по своему усмотрѣнію, но непременно исполнять долгъ свой. «Государь Императоръ и Россія, прибавилъ онъ въ заключеніе своего приказа, ожидаютъ славныхъ подвиговъ отъ черноморскаго флота: отъ васъ зависитъ оправдать ожиданія».

Павелъ Степановичъ самъ горячо любилъ отечество и никогда никому не позволялъ въ своемъ присутствіи порицать то, что носить названіе *русскаго народа*. Горячо любя его самъ, и всегда готовый пожертвовать для Россіи своею жизнію, онъ требовалъ того же и отъ другихъ. Обанчивая свой приказъ, онъ вполнѣ былъ убѣжденъ, что каждый исполнитъ свой долгъ; трусости въ русскомъ человѣкѣ онъ не допускалъ.

Мы отвлеклись бы далеко, если бы стали описывать горячую любовь и преданность своему отечеству Павла Степановича, и потому переходимъ къ описанію дальнѣйшей его дѣятельности при Синопѣ.

Утромъ 18-го ноября дулъ сильный вѣтеръ, и едва онъ сталъ стихать какъ въ 9^{1/2} часовъ русская эскадра приго-

товлялась къ бою такъ же спокойно, какъ бы приготовлялась къ обыкновенному ученью. Около полудня, выкинувъ національный русскій флагъ, эскадра двинулась къ Синопскому рейду. Она шла тихо, спокойно и двумя колоннами, съ тѣмъ чтобы развернуться вѣеромъ противъ турокъ, стоявшихъ дунообразно подъ прикрытіемъ своихъ береговыхъ батарей. Увидавъ на адмиральскомъ кораблѣ сигналъ, команды ожидали приказанія своихъ командировъ начать, но адмиралъ, величаво и спокойно, показалъ полдень, какъ это всегда дѣлалось и дѣлается во флотѣ.

Въ половинѣ перваго, по первому выстрѣлу съ турецкаго фрегата, *Нахимовъ* бросился на Синопскій рейдъ, и тогда закипѣлъ тотъ ожесточенный бой, который кончился совершеннымъ истребленіемъ турокъ, взятіемъ въ плѣнъ начальника турецкой эскадры и двухъ командировъ судовъ.

Наши корабли подошли къ непріятельскимъ судамъ на ружейный выстрѣлъ; эскадра дѣйствовала какъ на ученьѣ; срыла батареи, сожгла, взорвала на воздухъ суда—однимъ словомъ истребила своего врага.

Въ пять часовъ по полудни все было кончено; уничтожено тридцать непріятельскихъ судовъ, со всѣмъ ихъ экипажемъ. Командовавшій эскадрою Османъ-паша и два командира фрегативъ были взяты въ плѣнъ и привезены въ Севастополь. Поразительно было зрѣлище погибели турецкихъ судовъ: прибитые волненіемъ къ берегу, они горѣли, и, по мѣрѣ того какъ раскалялись орудія, они стрѣляли ядрами по рейду, не нанося, впрочемъ, никакого вреда нашимъ судамъ. Наконецъ, когда огонь достигалъ до мѣста храненія пороха, суда взлетали на воздухъ и горящими обломками своими осыпали городъ. Синопъ горѣлъ, и вѣтеръ, свободно переносилъ искры съ одного мѣста на другое, усиливалъ пожаръ города, всѣ жители котораго искали спасенія въ окрестныхъ горахъ. Съ самаго начала боя, синопскій губернаторъ, начальникъ береговыхъ батарей и все начальство бѣжало въ горы. Солдаты гарнизона и всѣ тѣ, которые могли спастись съ кораблей, бѣжали туда же. Около полуночи все пространство, обнесенное каменною стѣною, горѣло; часть же города, населенная греками-христіа-

нами, осталась невредимою отъ пожара. Городъ былъ совершенно пустъ и долго послѣ боя въ прибрежныхъ волнахъ и на берегу валялись трупы убитыхъ и видны были уничтоженныя батареи. Обломки кораблей и разрушенные дома видѣлись повсюду. вмѣстѣ съ кораблями и пушками турки потеряли нѣсколько тысячъ солдатъ изъ числа назначенныхъ для высадки на Кавказъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ, въ синопскомъ сраженіи погибло до 4-хъ тысячъ человекъ турокъ; наша потеря состояла въ 37 чел. убитыхъ и 229 раненыхъ. Флагманскій корабль понесъ потерю въ людяхъ болѣе всѣхъ.

Тотчасъ же по окончаніи сраженія побѣдители-черноморцы начали исправлять суда, и черезъ 36-ть часовъ пустились въ обратное плаваніе, въ глубокую осень и среди осеннихъ бурь, черезъ все Черное море. Потерпѣвшая отъ боя эскадра наша, съ пробитыми во многихъ мѣстахъ судами, совершила свой путь безъ затрудненія. Смотря издали на нашихъ черноморцевъ, англо-французы завидовали смѣлости, искусству и опытности русскихъ моряковъ. Въ самой Англии зависть простерлась еще далѣе: тамъ смѣялись надъ своимъ флотомъ, не смѣвшимъ подать помощи турецкой эскадрѣ, и сами англичане называли свои корабли *картонными*. Англійскія газеты удивлялись тому, что небольшая часть русскаго флота держалась въ морѣ нѣсколько дней, въ такую ужасную непогоду, въ которую ни турки, ни австрійскіе пароходы не рѣшались показываться въ морѣ. Неужели, спрашивали сами себя англичане, эти русскіе матросы тѣ самые трусливые новобранцы, о которыхъ намъ натолковали? «Боевой ихъ порядокъ въ дѣлѣ удивительный. Разстояніе, въ которомъ они дрались, конечно, было очень близкое, потому что одинъ спасшійся турокъ рассказываетъ, что онъ, взглянувъ на верхъ, увидѣлъ цѣлую стѣну пушекъ, и тотчасъ же послѣ того весь бокъ корабля былъ изстрѣлянъ какъ рѣшето. Такого совершеннаго истребленія и въ таксе короткое время никогда еще не бывало. Русскіе показали, что имъ извѣстны всѣ улучшенія артиллерійскаго искусства, осыпая непріятеля безпрестаннымъ дождемъ бомбъ. Турецкій вице-адмиралъ Османъ-паша взятъ былъ въ плѣнъ съ кораблемъ его, но

послѣдній былъ такъ избитъ, что принуждены были, снявъ съ него раненыхъ, самый корабль предать пламени.

Синопское сраженіе произвело чрезвычайное увѣніе въ Турціи. Мужчины роптали, женщины собирались толпами, съ крикомъ и воемъ, требуя отчета въ гибели своихъ мужей и дѣтей.

Среди всеобщаго ужаса, распространеннаго въ Турціи, русская эскадра пришла 22-го ноября въ Севастополь, гдѣ была встрѣчена радостными привѣтствіями всего остальнаго флота и всѣхъ жителей города. — Севастополь ликовалъ нѣсколько дней неподдѣльнымъ восторгомъ и привѣтствовалъ побѣдителей искреннею горячею любовію.

За синопскій бой, одинъ изъ блистательнѣйшихъ въ новѣйшее время, Павелъ Степановичъ *Нахимовъ* получилъ орденъ св. Георгія 2-й степени, при слѣдующей Высочайшей грамотѣ отъ 28-го ноября 1853 года.

«Истребленіемъ турецкой эскадры при Синопѣ, вы украсили лѣтопись русскаго флота новою побѣдою, которая всегда останется памятною въ морской исторіи.

«Статутъ военнаго ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія указываетъ награду за вашъ подвигъ.

«Исполняя съ истинною радостью постановленіе статута, жалуемъ васъ кавалеромъ св. Георгія второй степени большаго креста, пребывая къ вамъ Императорскою милостію Нашею благосклонны».

Синопская побѣда, доказавшая отличное состояніе черноморскаго флота, возбудила въ русскихъ людяхъ живѣйшую радость, и имя Павла Степановича *Нахимова* стало извѣстно каждому русскому человѣку — она сдѣлалось народнымъ.

Отовсюду, со всѣхъ концовъ Россіи, посыпались къ нему поздравительныя письма и стихи, которыхъ, по своей врожденной скромности, онъ не хотѣлъ обнародовать. Были и такіе поклонники, которые прислали ему образъ Николая чудотворца, какъ бы благословляя тѣмъ на будущіе подвиги.

Признательность Царя, восторгъ и уваженіе соотечественниковъ, слава и извѣстность осѣнили доблестнаго адмирала, горячо любимаго всѣми сослуживцами.

«Побѣда при Синопѣ, писалъ Императоръ князю *Меншикову*, являетъ вновь, что черноморскій флотъ Нашъ достойно выполняетъ свое назначеніе. Съ искреннею сердечною радостію поручаю вамъ сказать храбрымъ морякамъ нашимъ, что Я благодарю ихъ за подвигъ, совершенный для славы Россіи и для чести русскаго флага. Я съ удовольствіемъ вижу, что Чесма не забывается въ русскомъ флотѣ, и что правнуки достойны своихъ прадѣдовъ».

Закончивъ столь славно свою дѣятельность на морѣ синопскимъ сраженіемъ, Павелъ Степановичъ отслужилъ точно съ такою же славою и другую суровую службу на сушѣ, на стѣнахъ Севастополя.

1-го сентября 1854 года, городской телеграфъ въ Севастополь далъ знать, что видитъ непріятельскій флотъ, приближающійся къ нашимъ берегамъ. Въ слѣдъ за тѣмъ, 2-го сентября, послѣдовала высадка англо-французскихъ войскъ на берега Крыма. Севастополь, мало или почти совсѣмъ неукрѣпленный съ сухаго пути, находился подъ защитою только одного флота, если не считать небольшого числа бастионовъ, составлявшихъ севастопольскій гарнизонъ.

Вскорѣ послѣ сраженія на р. Альмѣ, нѣсколько непріятельскихъ пароходовъ показали противъ Севастопольской бухты, и за тѣмъ вдоль всего сѣвернаго берега потянулся огромный непріятельскій флотъ. Тотчасъ же были сдѣланы распоряженія по флоту, которымъ командовалъ *Нахимовъ*, и по сухопутнымъ войскамъ. Уходя изъ Севастополя съ войсками, главнокомандующій князь *Меншиковъ* поручилъ оборону сѣверной стороны *Корнилову*, а южную, на которой расположенъ городъ, *Нахимову*.

Сознавая свою неопытность въ способахъ веденія сухопутной войны и будучи въ высшей степени честенъ и добросовѣстенъ въ своихъ поступкахъ, Павелъ Степановичъ *Нахимовъ* явился къ князю *Меншикову* и высказалъ ему, что, для пользы отечества и блага Россіи, онъ готовъ умереть, съ радостію подчинится младшему и будетъ содѣйствовать ему въ принятіи мѣръ для обороны города, но самъ сознаетъ, что не можетъ быть хорошимъ сухопутнымъ

генераломъ. Князь отвѣчалъ, что не принимаетъ это за серьезный отказъ, и уѣхалъ.

Нахимовъ находился въ самомъ мрачномъ настроеніи. Зная, что неприятельская армія приближается къ Севастополю, онъ видѣлъ одинъ честный исходъ — лечь костью, и, подобно Святославу, 14-го сентября, въ своемъ приказѣ сказалъ такъ:

«Неприятель подступаетъ къ городу, въ которомъ весьма мало гарнизона; я въ необходимости нахожу затопить суда ввѣренной мнѣ эскадры, и оставшіяся на нихъ команды съ абордажнымъ оружіемъ присоединить къ гарнизону. Я увѣренъ въ командирахъ, офицерахъ и командахъ, что каждый изъ нихъ будетъ драться, какъ герой; насъ соберется до 3,000; сборный пунктъ на театральной площади».

Между тѣмъ неприятель перешелъ на южную сторону и приступилъ къ осадѣ города. Осада началась въ то время, когда Севастополь не былъ вовсе укрѣпленъ съ сухаго пути. Передъ глазами англо-французовъ росли укрѣпленія Севастополя, воздвигались новыя батареи. Какъ безсмѣнный часовой, Павелъ Степановичъ *Нахимовъ* наблюдалъ за ихъ постройкою. Воодушевляя всѣхъ своимъ присутствіемъ, оказывая собственнымъ примѣромъ неустрашимость и готовность пожертвовать жизнью на защиту роднаго русскаго города, *Нахимовъ* былъ могущественнымъ двигателемъ въ дѣлѣ обороны. Быстро росли бастионы севастопольскіе, такъ что когда, съ разсвѣтомъ 5-го октября, неприятель открылъ первое бомбардированіе (стрѣльбу) по городу, то севастопольцы были совершенно готовы встрѣтить его должнымъ образомъ.

Въ половинѣ седьмаго утра 5-го октября, французы, бросивъ три бомбы, одну за другою, подали тѣмъ сигналъ къ началу стрѣльбы по осажденному городу. Въ слѣдъ за тѣмъ съ удивительною быстротою заревѣло 53 французскихъ орудія и 73 англійскихъ. Въ отвѣтъ на этотъ погромъ посылались выстрѣлы съ нашихъ укрѣпленій, съ тою мѣткостью, которая заставила понять союзниковъ, что не легко имъ будетъ сладить съ выросшею на ихъ глазахъ крѣпостью.

Съ первымъ выстрѣломъ неприятельскихъ батарей *На-*

Химовъ былъ уже на пятомъ бастіонѣ и распоряжался стрѣльбою, самъ наводилъ орудіе и слѣдилъ за полетомъ снарядовъ. Здѣсь, наблюдая за дѣйствіемъ непріятеля, онъ провелъ все время, пока продолжалась стрѣльба по Севастополю. Одновременно съ бомбардированіемъ съ сухаго пути, и непріятельскій флотъ производилъ стрѣльбу по нашимъ приморскимъ фортамъ (укрѣпленіямъ). По данному сигналу, флотъ открылъ непрерывную стрѣльбу изъ 1,500 орудій; наши форты отвѣчали тѣмъ же. Трудно себѣ представить что либо ужаснѣе этой борьбы. Тучи пороховаго дыма закрыли двухъ непріятелей, такъ что нѣкоторое время, впереди передъ батареями, ничего не было видно. Громъ выстрѣловъ слился въ одинъ страшный гулъ надъ головами сражающихся. Сотни тысячъ снарядовъ бороздили землю, бороздили укрѣпленія и разносили смерть и увѣчья повсюду. Слишкомъ два часа бились противники другъ съ другомъ, до тѣхъ поръ пока наша артиллерія не заставила замолчать сухопутныя непріятельскія батареи, а соединенный англо-французско-турецкій флотъ, выпустившій изъ своихъ орудій 150,000 снарядовъ, не отошелъ самъ поврежденный, но безъ всякихъ результатовъ и не причинивъ большаго вреда нашимъ приморскимъ фортамъ. Не смотря на успѣхъ нашей артиллеріи, день этотъ дорого стоилъ русской артиллеріи. До тысячи человѣкъ матросовъ было убитыхъ и раненыхъ; мы потеряли много офицеровъ, но за то доказали врагу, что ему трудно будетъ бороться съ храбрыми защитниками Севастополя. Принимая живое участіе въ защитѣ, Павелъ Степановичъ *Нахимовъ* чуть было не погибъ въ этотъ страшный день. Онъ былъ раненъ въ голову, но, къ счастью, легко.

— Вы ранены, Павелъ Степановичъ? сказалъ одинъ изъ приближенныхъ къ нему офицеровъ.

— Не правда-съ, отвѣчалъ онъ съ неудовольствіемъ, желая скрыть свою рану отъ любившихъ его моряковъ, съ тѣмъ чтобы не разстроить ихъ.

Спустя нѣкоторое время, проведя рукою по окровавленному лбу, онъ прибавилъ: «слишкомъ мало-съ, чтобъ объ этомъ заботиться, слишкомъ мало-съ»!

Такъ мало заботился о себѣ Павелъ Степановичъ, когда дѣло касалось до общей пользы, до защиты роднаго отечества.

Выдержавъ съ успѣхомъ первое бомбардированіе, гарнизонъ Севастополя съ такимъ же успѣхомъ отстаивалъ городъ въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ осады, сопровождаемой непрерывнымъ огнемъ непріятеля, рѣдко когда прекращавшемся.

Послѣ бомбардированія и во все время осады, для Павла Степановича началась та непрерывная, неутомимая и немовѣрная дѣятельность, въ слѣдствіе которой онъ, въ теченіе девяти мѣсяцевъ своего пребыванія въ осажденномъ городѣ, ни разу не ложился спать раздѣтый. *Нахимовъ* по нѣскольку разъ въ день бывалъ въ госпиталяхъ, на перевязочныхъ пунктахъ, хлопоталъ о больныхъ, о средствахъ продовольствія войскъ, строилъ мосты и проч. Когда, во время перваго бомбардированія 5-го октября, былъ разрушенъ бомбами мостъ, устроенный на судахъ близъ Александровскихъ казармъ, тогда, по приказанію *Нахимова*, былъ устроенъ другой не на судахъ, а на *бочкахъ*. Новый мостъ былъ гораздо лучше и устроумнѣе устроенъ чѣмъ первый: испорченную бочку или разбитое выстрѣломъ дерево всегда можно было замѣнить новымъ, и черезъ нѣсколько десятковъ минутъ послѣ поврежденія мостъ являлся надежнымъ и удобнымъ путемъ сообщенія.

За нѣсколько дней до инкерманскаго сраженія, главнокомандующій приказалъ Павлу Степановичу приготовить всѣ матеріалы для наведенія моста черезъ Черную рѣчку, такъ какъ бывшій прежде тамъ мостъ былъ разрушенъ. Заготовленіе необходимыхъ для моста матеріаловъ должно было произвестись въ совершенной тайнѣ, и при томъ такъ, чтобы, по первому требованію, мостъ былъ тотчасъ же наведенъ. Адмиралъ исполнилъ это со всегдашнею своею точностію и мостъ этотъ отлично исполнялъ свое назначеніе во все время инкерманскаго сраженія.

Павелъ Степановичъ не предводительствовалъ большимъ числомъ сухопутныхъ войскъ, не водилъ ихъ въ атаку, но привлекъ ихъ любовь къ себѣ своею заботою о нуждахъ

солдата, своею неутомимою дѣятельностію. Что бы ни понадобилось каждому изъ защитниковъ города, онъ шелъ къ *Нахимову* и всегда получалъ отъ него удовлетвореніе въ своихъ нуждахъ. Во все время осады его можно было видѣть на службѣ во всякое время дня и ночи. У адмирала не было назначенныхъ часовъ: онъ всегда былъ готовъ быть къ услугамъ каждаго, и въ особенности если дѣло касалось до облегченія положенія больныхъ и раненыхъ. Имъ онъ отдавалъ свой покой и свое содержаніе. Удостоившись получить отъ Государя Императора значительную аренду, *Нахимовъ* выразился: «на что мнѣ аренда, лучше бы бомбъ прислали». Получая значительное содержаніе, но не имѣя семейства и живя очень скромно, Павелъ Степановичъ никогда не имѣлъ денегъ, потому что раздавалъ ихъ бѣднымъ и въ особенности на пособіе матросскимъ семействамъ.

Во время осады, одинъ поэтъ доставилъ *Нахимову* хвалебное стихотвореніе.

— Если этотъ господинъ хотѣлъ мнѣ сдѣлать удовольствіе, сказалъ Павелъ Степановичъ, то ужъ лучше бы прислалъ нѣсколько сотъ ведеръ капусты для моихъ матросовъ.

Въ октябрѣ 1854 года ко многимъ другимъ бѣдствіямъ, неразлучнымъ съ осадю города, присоединилась и холера; труды медицинскихъ чиновъ усугубились. *Нахимовъ* принялъ самое горячее участіе, какъ въ предохраненіи войскъ отъ болѣзни на бастіонахъ, такъ и въ доставленіи заболѣвавшимъ, на собственный свой счетъ, разныхъ необходимыхъ медикаментовъ, выборъ которыхъ предоставилъ доктору *Зейману*. Дѣятельность Павла Степановича на облегченіе страданія больныхъ и раненыхъ была неутомимая и неисчерпаемая. Въ самый разгаръ его трудовъ, когда *Нахимовъ* былъ начальникомъ черноморскаго флота, главнымъ командиромъ порта, севастопольскимъ губернаторомъ и помощникомъ начальника гарнизона, не только не останавливалось самое малѣйшее дѣло, но никто не уходилъ отъ адмирала не получивъ удовлетворенія, если только дѣло шло объ облегченіи участи больныхъ и страждущихъ. Нужды послѣднихъ удовлетворялись быстро, скоро и никогда не слу-

чалось, чтобы адмиралъ не исполнилъ того, что обѣщалъ. Дѣло, представленное адмиралу и имъ одобренное, можно было считать исполненнымъ. Откинувъ всякія формальности, *Нахимовъ* этимъ достигъ возможности быстро и успѣшно приводить въ исполненіе свои намѣренія. Все доброе и полезное находило въ немъ заступника самаго горячаго и искренняго. Часто встрѣчались потребности, по видимому не легко или вовсе неудовлетворяемыя, но, если только отъ нихъ ожидалось облегченіе раненыхъ, Павелъ Степановичъ всегда находилъ средство уладить дѣло. «Источникъ этотъ заключался единственно въ его неутомимой дѣятельности, энергіи, вниманіи ко всему, что его окружало, и въ его тепломъ сердцѣ».

Нерѣдко раненые офицеры часто были помѣщаемы въ его квартирѣ (1) и получали отъ *Нахимова* различнаго рода лакомства, которыя въ то время въ Севастополѣ были очень рѣдки и дороги.

Своею заботою и неутомимою дѣятельностію на пользу севастопольскаго гарнизона *Нахимовъ* привлекъ къ себѣ славныхъ защитниковъ города, любившихъ безпредѣльно своего адмирала, своего губернатора и своего помощника начальника гарнизона. Не было ни одного солдата, ни одной рыночной бабы, которыя не знали *Нахимова* и не называли бы его отцемъ благодѣтелемъ.

Забываясь о раненыхъ, *Нахимовъ* не забывалъ и стоявшихъ на бастіонахъ. Жертвуя собственною жизнію для блага отечества, онъ заботился о сохраненіи жизни другихъ и принужденъ былъ умѣрять излишнюю храбрость защитниковъ Севастополя. Въ мартѣ 1855 года мы ожидали каждую минуту жестокаго бомбардированія (стрѣльбы), въ которое непріятель дѣлалъ ежедневно по 30,000 артиллерійскихъ выстрѣловъ, и когда гарнизонъ, слабо прикрытый не высокими полуразрушенными укрѣпленіями, подверженный страшному огню, долженъ былъ оказать сверхъ-естественную стойкость, тогда-то *Нахимовъ*, во избѣжаніе излишней

(1) Такъ, въ домъ *Нахимова* помѣщались лейтенанты Кремеръ, Титовъ и другіе.

потери въ людяхъ, долженъ былъ отдать слѣдующій приказъ.

«Усилія, употребленныя непріателемъ противъ Севастополя 5-го октября и въ послѣдующіе за тѣмъ дни, даютъ основательный поводъ думать, что, рѣшившись продолжать осаду, враги наши рассчитываютъ на средства еще болѣе громадныя; но теперь шестимѣсячные труды по укрѣпленію Севастополя приходятъ къ концу; средства обороны нашей почти утроились, и потому кто изъ насъ, вѣрующихъ въ правосудіе Божіе, усомнится въ торжествѣ надъ дерзкими замыслами непріателя? Но разрушить ихъ, при большой потери съ нашей стороны, не есть еще полное торжество, потому-то я считаю долгомъ напомнить всѣмъ начальникамъ священную обязанность, на нихъ лежащую, именно предварительно озаботиться, чтобы, при открытіи огня съ непріательскихъ батарей, не было ни одного лишняго человѣка, не только въ открытыхъ мѣстахъ и безъ дѣла, но даже прислуга у орудій и число людей, для неразлучныхъ съ боемъ работъ, было ограничено крайнею необходимостью. Заботливый офицеръ, пользуясь обстоятельствами, всегда ищетъ средства сдѣлать экономію въ людяхъ и тѣмъ уменьшить число подвергающихся опасности.

«Любопытство, свойственное отвагѣ, одушевляющей доблестный гарнизонъ Севастополя, въ особенности не должно быть допущено частными начальниками. Пусть каждый будетъ увѣренъ въ результатѣ боя и спокойно останется на указанномъ ему мѣстѣ; это въ особенности относится къ гр. офицерамъ.

«Я надѣюсь, что гр. дистанціонные и отдѣльные начальники войскъ обратятъ полное вниманіе на этотъ предметъ и раздѣлятъ своихъ офицеровъ на очереди, приказавъ свободнымъ находиться подъ блиндажами и въ закрытыхъ мѣстахъ. При этомъ прошу внушить имъ, что жизнь *каждаго изъ нихъ принадлежитъ отечеству, и что не удалство, а только истинная храбрость приноситъ пользу ему и честь умѣющему отличить ее въ своихъ поступкахъ отъ перваго.*

«Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы еще разъ повторить

запрещеніе частой палбы. Кромѣ невѣрности выстрѣловъ, естественнаго слѣдствія торопливости, трата пороха и снарядовъ составляетъ такой важный предметъ, что никакая храбрость, никакая заслуга не должны оправдать офицера, допустившаго ее. Заботливость объ охраненіи города, ввѣреннаго Государемъ нашей части, пусть будетъ ручательствомъ за мѣткость и хладнокровіе нашихъ молодцовъ-артиллеристовъ».

Этотъ приказъ указываетъ сколько на теплую душу Павла Степановича, столько же на его безграничную любовь къ отечеству и на необыкновенную отвагу и самоотверженіе севастопольскаго гарнизона. Послѣднее было извѣстно Нахимову, лучше чѣмъ кому либо другому. Ежедневно, объѣзжая два раза всю оборонительную линію, онъ былъ частнымъ свидѣтелемъ безпримѣрной храбрости своихъ подчиненныхъ и самъ служилъ имъ въ этотъ примѣромъ. Останавливаясь всегда на болѣе опасныхъ мѣстахъ, не рѣдко подъ самымъ сильнымъ штуцернымъ огнемъ, *Нахимовъ*, одѣтый въ сюртукъ съ эполетами, представлялъ хорошую цѣль для непріятельскихъ стрѣлковъ; но судьба хранила его до времени. Часто, для наблюденія за непріятелемъ, онъ высовывался изъ за бруствера, чтобы лучше видѣть его расположеніе и дѣйствіе. Уговорить его оставить и уйти съ опаснаго мѣста не было возможности: онъ не любилъ этого и, наперекоръ еще дольше оставался на немъ. Обыкновенно отводили его съ нѣкоторою хитростью: «а вотъ неуждно ли вамъ пожаловать сюда, здѣсь любопытнѣе: непріятель возвелъ новыя траншеи», и тогда Павелъ Степановичъ, не подозрѣвая хитрости, переходилъ туда, куда ему указывали.

Не зная самъ страха и опасеній, *Нахимовъ* не признавалъ ихъ и въ своихъ подчиненныхъ. Такъ, въ день занятія непріятелемъ Камчатскаго редута, гдѣ Павелъ Степановичъ едва не попалъ въ плѣнъ, онъ оставался тѣмъ-же спокойнымъ, какимъ былъ и въ первый день осады. Онъ ободрялъ огорченныхъ потерей редутовъ и указывалъ изъ окна своей квартиры на бодрыхъ солдатъ.

— Нѣтъ-съ, говорилъ онъ, у насъ здѣсь нѣтъ унынія,

и быть не может..... Я бы на мѣстѣ главнокомандующаго разстрѣлялъ того, кто приведетъ въ уныніе; а что они будутъ теперь бить наши корабли, пускай бьютъ-сь! не конфектами, не яблочками перебрасываемся! Вотъ меня сегодня самого чуть не убило осколкомъ—спины не могу разогнуть..... да это ничего, еще, славу Богу, не слегъ!

И, не смотря на контузію и боль, *Нахимовъ* на слѣдующій день былъ опять на батареяхъ.

Здѣсь, на бастіонахъ Севастополя, подъ жестокимъ огнемъ, *Нахимовъ* сталъ народнымъ героемъ, тѣмъ колоссальнымъ русскимъ гениемъ, въ котораго сколько ни бросай грюзю, онъ вынесетъ ее на своихъ плечахъ и предстанетъ передъ соотечественниками тѣмъ же чистымъ русскимъ богатыремъ, какимъ считалъ его весь севастопольскій гарнизонъ, и каждый изъ храбрыхъ защитниковъ *многострадалнаго города*.

Громадное нравственное вліяніе Нахимова на войска защищавшія городъ, его неусыпная дѣятельность обратили на себя вниманіе Его Императорскаго Высочества генерал-адмирала и Павелъ Степановичъ получилъ отъ Его Высочества слѣдующій рескриптъ:

«Павелъ Степановичъ! Генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ, свидѣтельствуя передъ Государемъ Императоромъ о заслугахъ вашихъ, во время обороны Севастополя, ходатайствовалъ о наградѣ васъ орденомъ Бѣлаго орла, и Его Величество на сіе Высочайше соизволилъ. Орденскіе знаки вы получите вмѣстѣ съ грамотою, а Я вмѣняю Себѣ въ удовольствіе выразить вамъ нынѣ личныя чувства Мои и всего балтійскаго флота. Мы *уважаемъ* васъ за ваше доблестное служеніе; Мы *гордимся* вами и вашею славою, какъ украшеніемъ нашего флота; Мы *любимъ* васъ какъ почтеннаго товарища, который сдружился съ моремъ и который въ моряхъ видитъ друзей своихъ. Исторія флота скажетъ о вашихъ подвигахъ дѣтямъ нашимъ, но она скажетъ также, что моряки-современники вполне цѣнили и понимали васъ. Примите, почтеннѣйшій Павелъ Степановичъ, въ этомъ письмѣ, доказательство тому и вѣрьте,

что Я всегда пребуду искренно къ вамъ доброжелательнымъ».

Адмираль, до глубины сердца тронутый этими теплыми, задушевными словами, отвѣчалъ.

«Ваше Императорское Высочество!

«Вмѣстѣ съ новою милостью Государя Императора къ слабымъ моимъ заслугамъ, Ваше Императорское Высочество осчастливили меня письмомъ, въ выраженіяхъ драгоценныхъ сердцу вѣрноподданнаго.

«Спѣшу принести Вашему Императорскому Высочеству чувства глубокой признательности и при этомъ осмѣливаюсь прибавить, что, привыкнувъ съ юныхъ лѣтъ гордиться со словіемъ и ремесломъ, къ которымъ принадлежу, я вмѣстѣ съ товарищами чту себя еще болѣе счастливымъ, что, въ настоящую великую эпоху, намъ выпалъ завидный жребій имѣть руководителемъ Васъ, Государь! Вѣрьте, что мы сумѣемъ оправдать это довѣріе Августѣйшаго Монарха и побѣдимъ или умремъ достойно имени русскаго».

Вскорѣ послѣ этого, 27-го марта 1855 г., *Нахимовъ* былъ произведенъ въ адмиралы. Получивъ этотъ чинъ, онъ торопился подѣлиться со своими сослуживцами этою радостію и новою милостью къ нему Императора. Забывая собственныя заслуги и свое значеніе, Павелъ Степановичъ, со свойственною ему скромностію и честиѣйшимъ благородствомъ, приписывалъ заслуги своимъ товарищамъ-подчиненнымъ:

«Геройская защита Севастополя, писалъ онъ въ приказѣ по флоту, въ которой семья моряковъ принимаетъ такое славное участіе, была поводомъ къ безпримѣрной милости Монарха ко мнѣ, какъ старшему въ ней.

«Высочайшимъ приказомъ отъ 27-го минувшаго марта я произведенъ въ адмиралы. Завидная участь имѣть подъ своимъ начальствомъ подчиненныхъ, украшающихъ начальника своими доблестями, выпала на меня.

«Я надѣюсь, что гг. адмиралы, капитаны и офицеры дозволятъ мнѣ здѣсь выразить искренность моей признательности сознаниемъ, что, геройски отстаивая драгоценный для Государя и Россіи Севастополь, они доставили мнѣ милость незаслуженную.

«Матросы! Мнѣ ли говорить вамъ о вашихъ подвигахъ на защиту роднаго намъ Севастополя и флота! Я съ юныхъ лѣтъ былъ постояннымъ свидѣтелемъ вашихъ трудовъ и готовности умереть по первому приказанію; мы сдружились давно; я горжусь вами. Отстоимъ Севастополь, и если Богу и Императору будетъ угодно, вы доставите мнѣ случай носить мой флагъ на гротъ-брамъ-стенгѣ съ тою же честью, съ какою я носилъ его, благодаря вамъ, и подъ другими клотиками; вы оправдаете довѣріе и заботы о насъ Государя и генераль-адмирала и убѣдите враговъ православія, что, на бастіонахъ Севастополя, мы не забыли морскаго дѣла, а только укрѣпили одушевленіе и дисциплину, всегда украшавшія черноморскихъ моряковъ».

Между тѣмъ осада Севастополя продолжалась, и чѣмъ болѣе непріятель усиливалъ средства къ разрушенію города, тѣмъ въ большей степени проявлялась дѣятельность *Нахимова*. Онъ по нѣскольку разъ въ день появлялся въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ и успѣлъ на столько сродниться съ собою войска, что, казалось, безъ *Нахимова* и самая защита Севастополя невозможна. Каждый изъ храбрыхъ защитниковъ, послѣ жаркаго дѣла, освѣдомлялся прежде всего, живъ ли *Нахимовъ*, и многіе изъ нижнихъ чиновъ не забывали своего *отца начальника* даже и въ предсмертныхъ мукахъ. Такъ, во время штурма 6-го іюня, одинъ изъ рядовыхъ пѣхотнаго графа Дибича Забалканскаго полка лежалъ на землѣ близъ Малахова кургана.

— Ваше благородіе! а ваше благородіе! кричалъ онъ офицеру, скававшему въ городъ.

Офицеръ не остановился.

— Пойдите, ваше благородіе, кричалъ тотъ же раненый въ предсмертныхъ мукахъ, я не помощи хочу просить, а важное дѣло есть....

Офицеръ возвратился къ раненому, къ которому въ то же время подошелъ морякъ.

— Скажите, ваше благородіе, адмиралъ *Нахимовъ* не убитъ?

— Нѣтъ.

— Ну слава Богу....Я могу теперь умереть спокойно.

Солдаты перекрестился, обратил свои очи къ небу, и со вздохомъ закрылъ ихъ на вѣки.

Въ этотъ доблестный для Россіи день *Нахимовъ* оказалъ гарнизону весьма важную заслугу и не мало содѣйствовалъ отбитію штурма.

Начальникъ севастопольскаго гарнизона, генераль-адъютантъ графъ *Остенъ-Сакенъ*, въ своемъ приказѣ по случаю отбитаго штурма, между прочимъ говоритъ:

«Доблестная служба помощника моего, командира порта адмирала *Нахимова*, одушевляющаго примѣромъ самоотверженія чиновъ морскаго вѣдомства и столь успѣшно распоряжающагося снабженіемъ обороны Севастополя, *известна всей Россіи*. Но не могу не упомянуть, что подкрѣпленія, посланныя на атакованную часть Севастополя, раздѣленную Южною бухтою, переходили по устроенному адмираломъ *Нахимовымъ* пѣшеходному мосту на бочкахъ, безъ чего корабельная сторона, вмѣщающая въ себя Малаховъ курганъ—ключъ позиціи—могла пасть, ибо прежній мостъ на судахъ легко былъ поврежденъ непріятельскими выстрѣлами и въ 11-ти дневное бомбардированіе помянутое сообщеніе было прервано».

Нужно ли говорить послѣ того, какое важное значеніе имѣлъ *Нахимовъ*, и какъ велики были его заслуги во время осады Севастополя.

Къ сожалѣнію, не долго оставалось жить адмиралу—минуты его были уже сочтены.

Въ четыре часа утра 28-го іюня открылась сильная канонада по третьему бастіону. Павелъ Степановичъ, въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ, отправился туда, гдѣ была опасность, гдѣ слышны были выстрѣлы. Его уговаривали не ѣздить, но онъ, не слушая ни чьихъ совѣтовъ говорилъ: «какъ ѣдешь на бастіонъ, такъ веселѣе дышешь». Когда вѣхавшіе стали спускаться подъ гору къ мосту мимо церкви, близъ адмиралтейства, бомба пролетѣла надъ ихъ головами.

— Видите, насъ привѣтствуютъ, проговорилъ адмиралъ и всю дорогу былъ веселъ и разговорчивъ.

Побывши на третьемъ бастіонѣ, онъ отправился на Малаховъ курганъ (Корнилова бастіонъ), гдѣ была сильная ружейная

стрѣльба. Адмиралъ взошелъ на валъ, чтобы осмотрѣть въ трубу работы непріятели, какъ въ тотъ же мигъ провизжала пуля и ударила въ лежавшій возлѣ него мѣшокъ, а въ слѣдъ за тѣмъ другая ударила выше лѣваго виска и тронула мозгъ. Адмиралъ упалъ смертельно раненый;—съ тѣхъ поръ онъ не приходилъ въ сознаніе и скончался 30-го іюня въ 11-ть часовъ по полуночи.

Умилительно-трогательно было погребеніе героя Синона и славнаго защитника Севастополя. Съ шести часовъ утра, 1-го юля, со всѣхъ мѣстъ обороны съѣзжались начальствующія лица, товарищи и подчиненные отдать послѣдній долгъ падшему герою. Закаленные въ бою защитники Севастополя, стоя у гроба Павла Степановича, горько плакали, и во главѣ ихъ тогдашній главнокомандующій князь М. Д. *Горчаковъ*.

По окончаніи службы, вынесли изъ квартиры гробъ, предшествуемый тремя адмиральскими флагами, и пронесли его въ церковь между двумя батальонами, армейскимъ и флотскимъ. Послѣ отпѣванія разрѣшено было всѣмъ желающимъ проститься съ адмираломъ и толпа слѣшила поклониться праху отца-начальника.

«Одинъ за другимъ входили въ комнату, пишетъ очевидецъ, матросы, солдаты, офицеры и простые обыватели и даже женщины, которымъ адмиралъ въ послѣднее время приказалъ выѣхать изъ Севастополя. Я видѣлъ одного горько плачущаго мужчину въ обыкновенной одеждѣ. Женщины почти всѣ плакали». Въ 8 часовъ тѣло Павла Степановича отнесено было въ соборъ Св. Владиміра, гдѣ и предано землѣ, при огромномъ стеченіи народа.

Въ тотъ же день начальникъ севастопольскаго гарнизона отдалъ слѣдующій приказъ.

«Храбрые защитники Севастополя!

«Провидѣнію угодно испытать насъ новою тяжкою потерей: адмиралъ *Нахимовъ*, пораженный непріятельскою пулею на Корниловомъ бастіонѣ, сего числа (30-го іюня) скончался.

«Не мы одни будемъ оплакивать потерю доблестнаго сослуживца, достойнѣйшаго начальника, витязя безъ страха и

упрека—вся Россія, вмѣстѣ съ нами, прольетъ слезы искренняго сожалѣнія о кончинѣ героя синопскаго.

«Моряки черноморскаго флота! Онъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ вашихъ доблестей, онъ умѣлъ цѣнить ваше несравненное самоотверженіе, онъ раздѣлялъ съ вами опасности, руководилъ васъ на пути славы и побѣды.

«Преждевременная смерть доблестнаго адмирала возлагаетъ на меня обязанность дорогою цѣною воздать непріятелю за понесенную нами потерю.

«Каждый воинъ, стоящій на оборонительной линіи Севастополя, жаждетъ, я несомнѣнно увѣренъ, исполнить этотъ священный долгъ; каждый матросъ удесятеритъ усиліе для славы русскаго оружія».

Извѣстіе о томъ, что Нахимовъ смертельно раненъ, что его не стало, быстро облетѣло всѣ бастіоны—и дрогнули защитники Севастополя, когда теплое сердце этого честнаго, безкорыстнаго и замѣчательнаго человѣка перестало биться, и чистѣйшая душа этого рыцаря безъ страха и упрека отлетѣла въ вѣчность.

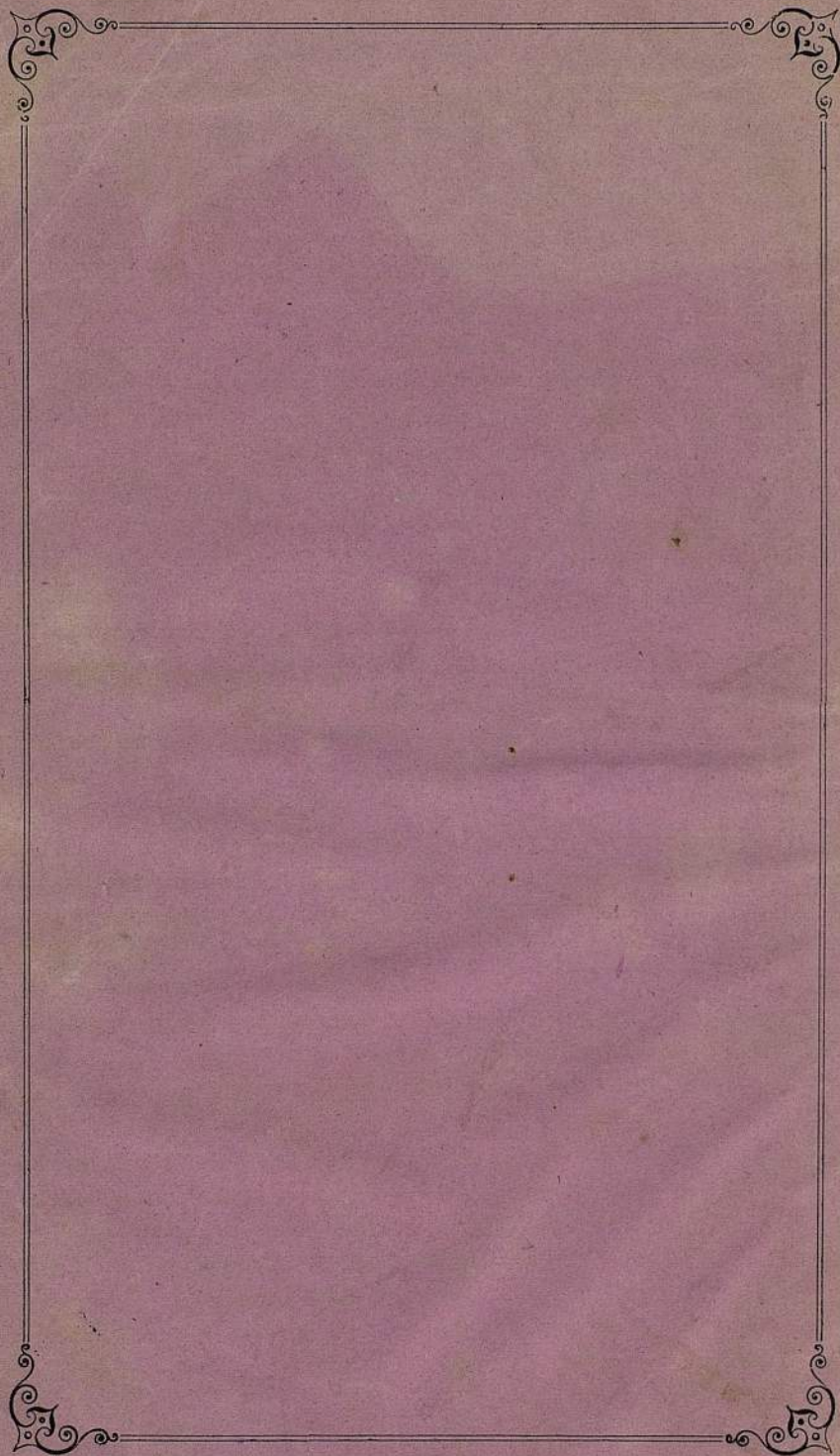
«Совершилось предопредѣленіе—и бодрый духъ, витавшій надъ бастіонами мученика Севастополя, живившій его защитниковъ въ теченіе 10-ти мѣсячной, томительной, однообразно-кровавой обороны, отлетѣлъ въ вѣчность! Не стало любимца черноморскаго флота, ихъ вожатаго къ славѣ, товарища въ лишеніяхъ, утѣшителя въ неудачахъ и бѣдствіяхъ!» Одни теряли въ лицѣ адмирала неутомимаго и вполнѣ безкорыстнаго дѣятеля, другіе заботливаго отца-начальника, посвятившаго свою жизнь и имущество на пользу меньшей братіи, его подчиненныхъ, наконецъ Россія лишилась въ немъ горячо любящаго ея сына и оберегателя ея славы и могущества....

Адмиралъ отошелъ въ преждевременную могилу не зараженнымъ никакими расчетами, внушаемыми успѣхомъ и пріобрѣтенною извѣстностію; онъ умеръ чистымъ, безпорочнымъ сыномъ отчизны, никогда недѣйствовавшимъ иначе какъ по убѣжденію, не заботившемся о наградахъ, не старавшемся пріобрѣсть вліяніе не соответствующаго его способностямъ, никогда не сорившагося съ своею совѣстью,

а, напротивъ того, всегда и для всѣхъ служившаго образцомъ честности и безкорыстія.

Шестнадцать слишкомъ лѣтъ прошло со дня смерти *Нахимова*, но севастопольская семья защитниковъ, а съ нею и вся Россія, не забыла, да и никогда не забудетъ

Тотъ родной гранитъ,
Гдѣ Нахимова могила,
Гдѣ Корниловъ спитъ.

2011110302